

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-529-533

Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

КОРСАКОВА Алена Алексеевна,

Студент, Московский государственный университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА),

e-mail: algltsn@yandex.ru

НАСЛЕДСТВЕННОЕ ПРАВОПРЕЕМСТВО В ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ ИЗ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА

Аннотация. В статье рассматривается проблема наследственного правопреемства в обязательствах из причинения вреда. Автор анализирует существующие в доктрине классификации деликтных обязательств и обосновывает, что традиционное разграничение по объекту посягательства (имущественный или моральный вред) не имеет решающего значения для наследования. Ключевым критерием оборотоспособности предлагается считать денежный характер обязанности: любое обязательство, которое может быть исполнено путём уплаты денег, утрачивает неразрывную связь с личностью должника и способно переходить к правопреемникам. На основе анализа эволюции правовых подходов в статье показан постепенный переход от модели «личного долженствования» к модели «имущественного обременения, следующего за наследственной массой». Особое внимание уделяется так называемым «пограничным» ситуациям, когда факт причинения вреда очевиден, однако к моменту смерти причинителя отсутствует судебная конкретизация размера компенсации. Автор доказывает, что сохранение различного режима правопреемства в зависимости от наличия или отсутствия судебного акта лишено логического основания и создаёт избирательную защиту прав потерпевших.

Ключевые слова: наследственное правопреемство, деликтные обязательства, моральный вред, личные обязанности, деперсонифицированные обязанности, добросовестность наследника, статья 1112 ГК РФ, статья 1175 ГК РФ.

KORSAKOVA Alena Alekseevna,

Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

HEREDITARY SUCCESSION IN OBLIGATIONS ARISING FROM TORT

Annotation. The article examines the problem of hereditary succession in obligations arising from tort. The author analyses existing doctrinal classifications of tort obligations and argues that the traditional distinction based on the object of the infringement (pecuniary or moral harm) is not decisive for inheritance purposes. The key criterion of transferability is proposed to be the monetary nature of the obligation: any obligation that can be performed by payment of money loses its inextricable link with the debtor's person and is capable of passing to successors. Based on an analysis of the evolution of legal approaches, the article demonstrates a gradual transition from a model of "personal obligation" to a model of "property encumbrance following the hereditary estate". Particular attention is paid to so-called "borderline" situations where the fact of harm is obvious, yet by the time of the tortfeasor's death there is no judicial specification of the amount of compensation. The author argues that maintaining different regimes of succession depending on the presence or absence of a judicial act is devoid of logical foundation and creates selective protection of victims' rights.

Key words: hereditary succession, tort obligations, moral harm, personal obligations, depersonalised obligations, good faith of the heir, Article 1112 of the Russian Civil Code, Article 1175 of the Russian Civil Code.

Наследственное правопреемство в обязательствах из причинения вреда относится к числу проблем, в которых универсальность наследственного перехода вступает в противоречие с личной природой

деликтной обязанности, причём это противоречие не является мнимым: оно заключается в двойственности самого деликтного обязательства, соединяющего личный вред причинителю и имущественное последствие его деяния. Статья

1112 ГК РФ, исключая из состава наследства права и обязанности, неразрывно связанные с личностью наследодателя, не содержит исчерпывающего перечня таких обязанностей. Н.Ф. Щербаченко замечает, что «законодатель умалчивает, что это за обязанности, переход которых в порядке наследования не допускается Гражданским кодексом РФ и другими законами», и фиксирует «правовую неопределённость в данном вопросе» [1, с. 264]. Эта неопределённость, сохраняющаяся на протяжении десятилетий, порождает системную избирательную защиту прав потерпевших, при которой правопреемство то признаётся, то отвергается в зависимости от вида деликта, процессуальной стадии и субъектного состава спора.

В мае 2025 года Конституционный Суд РФ в Постановлении № 24-П поставил точку в затянувшемся споре: обязанность компенсировать моральный вред возникает из самого факта его причинения, а не из судебного акта, и, следовательно, переходит к наследникам как обычный денежный долг. Это решение – прямое подтверждение теоретической модели, обоснованной в настоящей статье, – знаменует смену парадигмы: от «личного обязательства» к «имущественному обременению, следующему за наследственной массой». Иной подход, при котором правовая защита потерпевшего ставилась в зависимость от скорости работы судебной системы, Конституционный Суд признал не отвечающим требованиям справедливости [8].

Отправным пунктом анализа должна стать классификация деликтных обязанностей. А.В. Даниленков предлагает деление на личностные и деперсонифицированные применительно к корреспондирующей парадигме деликтов, которые, в свою очередь, «подразделяются на материальные и моральные по своим наследственно-правовым последствиям» [2]. Полагаем, что признак, по которому обязанность перестаёт быть личностной и приобретает свойство оборотоспособности, лежит не в плоскости объекта посягательства, а в характере самой обязанности: личностной является обязанность, исполнение которой требует уникальных действий именно данного должника; деперсонифицированной – обязанность, которая может быть исполнена любым третьим лицом без изменения существа правоотношения.

Имущественный вред практически всегда воплощается в денежном эквиваленте, поэтому обязанность его возместить по общему правилу оборотоспособна. Однако и обязанность компенсировать моральный вред, будучи денежной по своей природе, также может быть отчуждена от личности должника – иное означало

бы неоправданную привилегию причинителя, освобождающегося от ответственности самим фактом смерти. Этот тезис находит подтверждение и в позиции Д.А. Матанцева, который, анализируя динамику деликтного обязательства, пишет, что «динамика субъектного состава деликтного обязательства связана с определёнными ограничениями ввиду его строго личного характера», однако с позиции кредитора обязательство остаётся прежним, будучи реализуемым действиями иного лица [3, с. 2].

Структура любого обязательства, по сути, расщепляется на два слоя – «долженствование» (личная связанность должника) и «имущественное содержание» (подлежащее передаче благо) [4]. В деликтах из причинения вреда смерть должника не уничтожает само обязательство – она уничтожает только способность должника к личному исполнению. Но если обязательство уже редуцировано к денежной сумме, то личность должника становится избыточной: любой правопреемник может совершить то же действие – передать деньги. Это положение можно назвать принципом абсолютной оборотоспособности денежного эквивалента: как только обязательство обретает денежную форму, оно отрывается от личности должника и начинает подчиняться законам имущественного оборота.

Сам факт денежного выражения обязанности (неважно – материальный это вред или моральный) осуществляет «транссубстанциализацию» обязательства – переход его из сферы личного долженствования в сферу имущественного бремени. Поэтому законодательное исключение для морального вреда, не получившего судебной конкретизации, является неточным: оно пытается удержать в личной сфере то, что по своей экономической сути уже является деньгами. Смерть причинителя в таком случае не погашает обязательство, а лишь заменяет должника – с сохранением того же содержания. Это явление можно обозначить как расщеплённую идентичность должника в деликтном обязательстве: при жизни лицо отвечает и лично, и имуществом; после смерти остаётся только имущественная составляющая, которая беспрепятственно переходит к наследникам. Именно поэтому универсальное правопреемство, закреплённое в статье 1110 ГК РФ, должно действовать в деликтных обязательствах с единственным ограничением – невозможность исполнить обязанность лично (например, принести извинения, совершить действие, не имеющее денежного эквивалента).

Немаловажное значение для исследуемой проблемы имеет разграничение вещно-правовых и обязательственно-правовых механизмов защиты,

поскольку в наследственных спорах нередко происходит их смешение. А.С. Старовойтова, исследуя иск о признании права, подчёркивает, что «следует отличать частные способы признания права собственности, рассматриваемые в доктрине как признание права, от признания права как способа защиты вещных прав» [4, с. 123]. В наследственных деликтных спорах это разграничение приобретает особую остроту: наследник потерпевшего, заявляя иск о признании права на имущество, может пытаться обойти механизм ответственности по деликтным долгам, а наследник причинителя – использовать вещный иск для освобождения имущества от взыскания. В.П. Нехорошева, критикуя расширительное толкование негаторного иска, справедливо указывает, что «нельзя относиться к нему в качестве требования, противоположному виндикации», и что «существуют и другие, самостоятельные способы защиты вещных прав» [5, с. 4]. Отсюда следует важный для наследственно-деликтных споров вывод: суд при рассмотрении требования к наследникам должен строго квалифицировать его природу и не допускать подмены деликтного иска вещным.

Эволюцию правовых подходов можно отследить на примере судебной практики.

Так, в Обзоре кассационной и надзорной практики Красноярского краевого суда за первое полугодие 2009 года описан случай, когда М. обратился к С. о возмещении вреда здоровью, причинённого в ДТП 26 апреля 2003 года. Определением Железногорского городского суда от 11 декабря 2008 года производство по делу было прекращено в связи со смертью ответчика; суд первой инстанции счёл, что «спорное правоотношение не допускает правопреемство, так как заявленные истцом требования неразрывно связаны с личностью наследодателя». Определением судебной коллегии Красноярского краевого суда от 18 марта 2009 года это определение отменено, поскольку вред причинён не здоровью наследодателя С., а здоровью истца М., и указанная обязанность может быть возложена на его наследников, принявших наследство, в пределах стоимости перешедшего к ним имущества [9]. Этот кейс примечателен тем, что конфликт возник не на уровне толкования конкретной нормы, а на уровне правосознания: судья первой инстанции интуитивно воспринял деликтное обязательство как сугубо личное, тогда как суд второй инстанции применил формальный критерий универсальности наследственного преемства, разграничив вред, причинённый здоровью самого наследодателя (ст. 1112), и вред, причинённый истцу.

В решении Верхнепышминского

городского суда Свердловской области от 5 сентября 2018 г. по делу № 2-1623/2018 наследник ФИО2 просил включить в наследственную массу право требования возмещения ущерба, причинённого транспортному средству наследодателя умышленными действиями ответчика. Приговором мирового судьи ответчик был признан виновным по ч. 1 ст. 167 УК РФ; апелляционным определением уголовное дело прекращено за истечением срока давности. Суд удовлетворил иск, включив право требования 83 118,65 руб. в состав наследства и признав за наследником право на его взыскание [10]. Это решение демонстрирует, что нереализованное при жизни наследодателя деликтное требование имущественного характера беспрепятственно переходит к наследникам.

Наиболее сложным является вопрос о наследовании обязанности компенсировать моральный вред. Долгое время доктрина и практика исходили из её сугубо личного характера. Постановлением Конституционного Суда РФ от 26 октября 2021 г. № 45-П подтверждено, что компенсация морального вреда возможна и при преступлениях против собственности, если они одновременно посягают на личные неимущественные права [11]. Однако в отношении перехода самой обязанности компенсировать моральный вред к наследникам долгое время господствовал отрицательный подход. Перелом наметился лишь в последние годы. В пункте 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 прямо разъяснено, что «право на получение денежной суммы, взысканной судом в счёт компенсации морального вреда, переходит к наследникам в составе наследственной массы» [12]. Тем самым обязанность, превращённая судебным актом в конкретную денежную сумму, была признана оборотоспособной. Более того, в судебной практике встречаются решения, где с наследников взыскивается компенсация морального вреда, присуждённая при жизни наследодателя, но не выплаченная им.

Категория добросовестности, обычно обсуждаемая в вещных спорах, приобретает неожиданное звучание в наследственно-деликтной сфере. М.И. Рожкова и Г.Р. Хасянова подчёркивают, что «чем более многогранным будет критерий добросовестности, тем объективнее можно будет оценить столь сложное неоднозначное субъективное поведение приобретателя» [6, с. 5]. Применительно к наследникам причинителя вреда этот тезис заставляет поставить вопрос: должен ли наследник, субъективно не осведомлённый о деликте наследодателя, отвечать в том же объёме, что и наследник, знавший о нём? Действующее право отвечает утвердительно, однако такое

решение не выглядит безупречным. Наследник, не знавший о преступлении, вынужден нести бремя чужого деликта, не имея возможности предотвратить или застраховать это бремя. Представляется, что данная ситуация требует дифференцированного регулирования, при котором добросовестное незнание наследника могло бы выступать основанием для снижения размера ответственности либо предоставления ему права на регресс к государству в случаях, когда деликт сопряжён с преступлением, не раскрытым при жизни наследодателя.

Обобщая изложенное, можно утверждать, что наследственное правопреемство в деликтных обязательствах эволюционирует от модели «личного обязательства» к модели «имущественного обременения, следующего за наследственной массой». Однако эта эволюция не должна быть абсолютной: наследники, не осведомлённые о деликте, заслуживают правовых гарантий, сопоставимых с гарантиями добросовестных приобретателей. Действующее законодательство ограничивает ответственность наследника стоимостью перешедшего имущества, однако никак не защищает его от нарастания денежного бремени. В связи с этим предлагается дополнить статью 1175 ГК РФ частью 4 следующего содержания: «Наследник, признанный добросовестным, не несет ответственности за убытки, вызванные несвоевременным исполнением деликтного обязательства наследодателя, за период с момента открытия наследства до момента, когда наследник узнал или должен был узнать о наличии соответствующего обязательства. Обязанность по доказыванию осведомленности наследника возлагается на кредитора».

Данная новелла позволила бы сохранить принцип универсальности наследственного преемства и одновременно ввести справедливый баланс интересов кредиторов и добросовестных наследников, устранив порок неопределённости.

Предложенный в настоящей статье дифференцированный подход к ответственности добросовестных наследников уже нашёл частичное воплощение в законодательстве. С 1 сентября 2025 года вступил в силу Федеральный закон № 246-ФЗ, который запрещает кредиторам начислять штрафы и пени по потребительским кредитам после смерти заёмщика до момента вступления наследников в наследство [13]. Хотя этот закон касается договорных, а не деликтных обязательств, он демонстрирует признание законодателем того же принципа, который мы обосновываем: добросовестный наследник, не осведомлённый о долге (или, в нашем случае, – о деликте), не должен нести бремя негативных

последствий за период, когда он объективно не мог повлиять на ситуацию.

Список литературы

[1] Щербаченко Н.Ф. К вопросу о правопреемстве в обязательствах из причинения вреда в результате смерти кормильца // Право и государство: теория и практика. 2024. № 3 (231). С. 262–265.

[2] Даниленков А.В. Деликтные обязательства и обязанности в наследственном праве // Наследственное право. 2022. № 2. С. 6–14.

[3] Матанцев Д.А. Динамика деликтного обязательства вследствие причинения вреда жизни и здоровью // Юридическая наука. 2021. № 12. С. 39–43.

[4] Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права 7-е изд. М.: Статут, 2020. 351 с.

[5] Старовойтова А.С. Признание права как способ защиты вещных прав // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 3 (88). С. 120–127.

[6] Нехорошева В.П. Негаторный иск: проблемы теории и правоприменительной практики // Сборник научных работ юридического факультета Финансового университета при Правительстве РФ. 2021. С. 1–6.

[7] Рожкова М.И., Хасянова Г.Р. Критерий добросовестности в вещном праве России // Сборник научных работ юридического факультета Финансового университета при Правительстве РФ. 2021. С. 1–7.

[8] Постановление Конституционного Суда РФ от 29 мая 2025 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 151 и статьи 1112 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А.Г. Байгускаровой и М.Г. Мухаметчина» // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_506383/ (дата обращения: 29.05.2026).

[9] Обзор кассационной и надзорной практики Красноярского краевого суда за первое полугодие 2009 года // ГАРАНТ : справочно-правовая система. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/18515295/> (дата обращения: 24.05.2026).

[10] Решение Верхнепышминского городского суда Свердловской области от 5 сентября 2018 г. по делу № 2-1623/2018 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) : (сайт). URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1wuVa1SGjaVK/> (дата обращения: 24.05.2026).

[11] Постановление Конституционного Суда РФ от 26 октября 2021 г. № 45-П //

КонсультантПлюс : справочно-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_399278/ (дата обращения: 24.05.2026).

[12] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_431485/ (дата обращения: 24.05.2026).

[13] Федеральный закон от 23 июля 2025 г. № 246-ФЗ «О внесении изменений в статью 14 Федерального закона «О потребительском кредите (займе)»» // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_510541/ (дата обращения: 29.05.2026).

References:

[1] Shcherbachenko N.F. On the Issue of Succession in Obligations Arising from Harm Caused by the Death of a Breadwinner // Law and State: Theory and Practice. 2024. No. 3 (231). P. 262–265. (In Russ.)

[3] Matantsev D.A. Dynamics of a Tort Obligation Arising from Harm to Life and Health // Legal Science. 2021. No. 12. P. 39–43. (In Russ.)

[5] Danilenkov A.V. Tort Obligations and Duties in Inheritance Law // Inheritance Law. 2022. No. 2. P. 6–14. (In Russ.)

[5] Pokrovsky, I.A. (2020) The Main Problems of Civil Law. 8th edn. Moscow: Statut. 351 p. (In Russ.)

[5] Starovoytova A.S. Recognition of a Right as a Method of Protecting Property Rights // Actual Problems of Russian Law. 2018. No. 3 (88). P. 120–127. (In Russ.)

[6] Nekhorosheva V.P. The Negatory Claim: Problems of Theory and Law Enforcement Practice // Collection of Scientific Works of the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation. 2021. P. 1–6. (In Russ.)

[7] Rozhkova M.I., Khasyanova G.R. The Criterion of Good Faith in Russian Property Law //

Collection of Scientific Works of the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation. 2021. P. 1–7. (In Russ.)

[8] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 29, 2025 No. 24-P “In the case of checking the constitutionality of part one of Article 151 and Article 1112 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizens A.G. Baiguskarova and M.G. Mukhametchina” // ConsultantPlus: reference and legal system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_506383/ (access date: 29.05.2026).

[9] Review of the cassation and supervisory practice of the Krasnoyarsk Regional Court for the first half of 2009//GARANT: reference and legal system. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/18515295/> (access date: 24.05.2026).

[10] Decision of the Verkhnepyshminsky City Court of the Sverdlovsk Region dated September 5, 2018 in case No. 2-1623/2018//Judicial and regulatory acts of the Russian Federation (Court Act): (website). URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1wuVa1SGjaVK/> (access date: 24.05.2026).

[11] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 26, 2021 No. 45-P//ConsultantPlus: reference and legal system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_399278/ (access date: 24.05.2026).

[12] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 15, 2022 No. 33 “On the practice of the application by the courts of norms on compensation for moral damage” // ConsultantPlus: reference and legal system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_431485/ (access date: 24.05.2026).

[13] Federal Law of July 23, 2025 No. 246-FZ “On Amendments to Article 14 of the Federal Law “On Consumer Credit (Loan)”” // ConsultantPlus: Reference and Legal System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_510541/ (access date: 29.05.2026).

